

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

Ж. Бирилло

Изучение национально-культурного компонента в семантике языковых единиц считается одной из основных задач лингвострановедения. Исследователи ономастики отмечают, что именам собственным¹ свойственен национально-культурный компонент. ИС не только накапливают и отражают национально-культурную информацию, но и являются средством формирования фоновых знаний носителей языка, их моделирования в учебном процессе. Говоря об отражении культуры и истории в ономастике носителей языка, прежде всего имеют в виду ИС, референты которых сыграли определенную роль в национальной и мировой культуре. В связи с этим встает необходимость анализа семантики ИС, находящихся „во главе“ ономастики, а также необходимость в дальнейшей разработке методов определения семантической структуры таких общеизвестных ИС. Особенно эта проблема актуальна для сопоставительного лингвострановедения, когда встает задача определения национально-культурного компонента семантики понятийно эквивалентных лексических единиц. Понятийно эквивалентные ИС, обладая коннотативным значением, могут вызывать у носителей разных языков не только различные, но даже противоположные ассоциации. Совокупность эмоционально-эстетических ассоциаций принято именовать „коннотацией“ [Верещагин, 1990, 106]. Коннотации, отражающие „национальную оценку“ референта имени, могут выявить различия в оценке одного и того же фрагмента мира разными языковыми коллективами.

Необходимость определения языкового сознания носителей различных культур и языков сейчас выдвигается в число наиболее

---

¹ Дальше в статье ИС.

приоритетных направлений исследований. Состояние современной лингвистики характеризуется повышенным интересом к „человеческому фактору“, появлением направления, которое не получило пока строгой дефиниции – его предметом является языковая личность. Это направление связано с именем академика Ю. Н. Караулова, внесшего в научный обиход понятие уровней языковой личности. Ю. Н. Караулов рассматривает структуру языковой личности как складывающуюся из трех уровней: лексикона, тезауруса, прагматикона. Наш интерес к ономастике обусловлен существующим научным положением о том, что ИС в большей степени, чем апеллятивам, свойственны ассоциации, в которых отражаются знания, информация, различные прагматические характеристики явлений. Вербальные ассоциации – явление культурно-историческое, национально-маркированное. Носитель языка связывает с ИС разнообразные эмоции, эстетико-стилистические оценки. Онимы, обладая богатой культурно-исторической информацией, у народа-носителя могут превращаться в определенные символы, ассоциируясь с каким-нибудь событием, местом, лицом. Присутствие ИС в речевых текстах языковой личности, по мнению Ю. Н. Караулова [1987, 55], является отражением уровней структуры языковой личности: лексикона, тезауруса и прагматикона. Многие ученые считают, что данные ассоциативного эксперимента могут быть источником изучения как семантики языковых единиц, так и языковой личности [Залевская, 1977, 46; Караулов, 1987, 239; Суперанская, 1970, 8].

В целях определения ассоциаций, связанных с онимами у „средних“ носителей литовского и русского языков, нами были выявлены пятнадцать топонимов, актуальных для представителей литовского языкового коллектива. Мы приняли эти топонимы за исходные, избрав их в качестве слов-стимулов, которые были предъявлены в ходе свободного ассоциативного эксперимента как русским, так и литовским информантам. Мы остановились на этой группе данных по ряду причин: носители русского языка являются представителями национального меньшинства в Литве, именно им предстоит осознать ценностные ориентации национального окружения и возможные расхождения в мотивационных установках разных языковых кол-

лективов. Отсюда возникает необходимость знать именно состояние современной литовской языковой личности как базовой при определении культурного компонента общественного сознания, учитывать который предстоит представителям других национальных коллективов, живущих в Литве, в целях адекватного общения, восприятия различных текстов, в практике обучения как литовскому, так и русскому языку, а также в создании различного рода учебной литературы и словарей.

Полученные в результате свободного ассоциативного эксперимента реакции русских и литовских информантов мы интерпретировали, исходя из классификации реакций, предложенной Ю. Н. Карауловым в его работе „Русский язык и языковая личность“. Нам представляется, что подобная таксономия позволяет более определенно сопоставить национальные языковые личности, выявить уровни, обладающие общностью, и, напротив, являющие различия и, как следствие, выявить возможные причины этих различий. Согласно Ю. Н. Караулову, тезаурусные реакции распадаются на три группы: тематические, образно-ситуативные, представляющие собой вербализацию индивидуальных зрительных или слуховых образов, и клишированные элементы знаний о мире. Реакции, которые могут быть отнесены к прагматикону, характеризуются либо лексически выраженной эмоционально-оценочной составляющей, „либо эта оценочность оканчивается скрытой (именно скрытой, поскольку подчас требует расшифровки) за обращением испытуемых к прецедентным текстам“ [Караулов, 1987, 239], т. е. текстам, значимым для данной личности в познавательном и эмоциональном отношении, известным окружению личности, включая ее современников и предшественников. Языковым способом выражения символа прецедентного текста может являться цитата, имя автора, персонажа, название произведения.

Классифицируя реакции, мы исходили из некоторых собственных установок: если реакция выражена абстрактным существительным, существительным, имеющим оценочные коннотации (мечта); существительным, соотносимым с качественным прилагательным (красота); качественным прилагательным (красивый), наречием (красиво), словосочетанием, содержащими оценочные семы, мы относили эти

реакции к прагматикону с открытой оценочностью. В том случае, если реакция была выражена другими разрядами существительных, отражающими сведения об этом топониме, мы относили эти реакции к уровню тезауруса, а на основе коннотаций, связанных с существительным, предполагали наличие скрытой оценочности. Кроме того, разделяя взгляд Ю. Н. Караулова на роль прецедентных текстов в отражении уровней языковой личности, мы полагали, что в реакциях на топонимы проявляется еще одна особенность прецедентных текстов: указание на источник знаний информантов, т. е. на текст, породивший знания или образ.

Анализ полученных реакций показал, что для ассоциативных полей топонимов характерно наличие как тезаурусных, так и прагматических реакций, в целом характеризующихся общностью содержательного и оценочного уровня. Для тезаурусных реакций тематической группы наиболее частой является реакция дефинитивного типа, т. е. топоним – его родовое определение. В этих реакциях, которые, как правило, являются частыми, в значении топонима на первое место выдвигается его денотативная отнесенность. В большинстве ассоциативных полей топонимов как русских, так и литовских информантов наблюдается преобладание тезаурусных реакций над прагматическими. В тезаурусных реакциях отражены разнообразные сведения и информация, фоновые знания, которые носители литовского и русского языков связывают с топонимом.

Проведенный нами сопоставительный анализ ассоциативных полей топонимов свидетельствует о сближении тезауруса литовской и русской языковой личности, проявляющемся в совпадении одинаковых частей реакций информантов, что в свою очередь, является отражением тенденции к стандартизации знаний о мире у представителей обоих языковых коллективов. Анализ реакций показал, что представителям обоих языковых коллективов свойственна близость тезауруса как на уровне ситуативно-тематических, так и вербализованных образных реакций. Различие прослеживается на уровне отдельных вербализованных образов, например: у русских, в отличие от литовцев, в реакциях на топоним „Альпы“ появляется образ эдельвейса, образ дюн – на топоним „Балтийское море“. Примечательно, на наш взгляд,

отсутствие образа корабля у литовских информантов в реакциях на слово-стимул „Балтийское море“ и „Черное море“ и наличие его в реакциях на стимул „Тихий океан“. Среди образных зрительных реакций литовских информантов были реакции, называющие светлые цвета для характеристики Балтийского моря (белое, синее море), а в реакциях на топоним „Черное море“ появляются слова „черный“, „темный“ (морская черная вода, темная вода, черные волны). В ассоциативном поле топонима „Каунас“ у литовских информантов присутствуют образные реакции, отражающие атрибуты внешнего облика каунасцев (спортивные костюмы, „восьмерки“). Топоним „Литва“ у литовцев не вызывает образ озер, характерный для русских испытуемых. Топонимы „Австралия“, „Каунас“ связаны в сознании литовских информантов с образом родных людей (тетя, родня, Изольда), подобные реакции у русских возникают в ассоциативных полях „Черное море“ и „Вильнюс“. Слово-стимул „Вильнюс“ у литовских информантов порождает в основном образные зрительные реакции, описывающие городской пейзаж (замок Гядиминаса, старый город, улицы), а у русских ассоциируется с образом родины (друзья, школа, дом).

Различия в ассоциациях литовских и русских информантов на уровне тезауруса проявилось и в реакциях фамилиями писателей, цитатами, т. е. прецедентными текстами. Преобладание таких реакций нами отмечено у русских. Например, реакции на топоним „Вильнюс“ у русских информантов – „Бродский“, „волк“. На топоним „Нямунас“ русские отреагировали – „Ой, Неман, мой Неман“, а литовские информанты – „Где Неман синее, Шешупе струится“. В ассоциативном поле топонима „Кавказ“ у литовских информантов реакции „Венуолис“, „Лермонтов“, „Кавказский пленник“, а у русских – „Лермонтов“, „Толстой“, „Кавказский пленник“, „Герой нашего времени“. Топоним „Черное море“ породил только у русских реакции прецедентными текстами: „Я помню море пред грозой...“, „Белеет парус одинокий“, „Тот, кто родился у моря...“, „Пушкин“. Слово-стимул „Нярис“ вызвал только у литовцев реакцию прецедентным текстом „Беги, Вильняле, в Вилню“, а у русских – ассоциации с именем поэтессы – „С. Нерис“. Топоним „Байкал“ вызвал у информантов реак-

цию строкой из известной песни „Бродяга Байкал переехал...“, а у русских – реакцию „Славное море, священный Байкал“. В ассоциациях русских на топоним „Франция“ мы находим такие реакции прецедентными текстами, как „Ж. Санд“, „Триумфальная арка“, „Ну, перестань, не надо про Париж...“.

Восприятие всех топонимов сопровождалось эмоционально-оценочным маркированием. „Значение слова в лексиконе индивида „помечено“ в эмоционально-оценочном плане как положительное, отрицательное, нейтральное“ [Залевская, 1990, 182]. Сопоставительный анализ ассоциативных полей показал близость литовской и русской языковой личности на уровне прагматикона в реакциях на топонимы, находящиеся за пределами бывшего СССР. Прагматические реакции обеих языковых групп информантов на слова-стимулы „Альпы“, „Америка“, „Франция“, „Австралия“, „Тихий океан“, „Карпаты“ характеризуются лексически выраженной положительной оценочностью. Отмеченная нами в анализе топонимов социальная закреплённость коннотаций за ними отражает близость в ценностной ориентации наших информантов. Различие оценок проявилось в основном в реакциях на объекты, географически близкие информантам. Все, что связано с Литвой, у литовских информантов характеризуется в основном положительной оценочностью (за исключением ассоциаций, связанных с Каунасом). У русских информантов при общей положительной оценочности эквивалентного денотата более частыми являются отрицательные его характеристики. В ассоциациях обеих групп информантов на топонимы „Нямунас“ и „Нярис“ присутствуют вербализованные „экологизированные“ реакции, выражающие отрицательную оценку состояния окружающей среды. Например, реакции литовских испытуемых на топоним „Нямунас“ – канализационный сток, погибающая река, загрязненный, грязный. У русских информантов – отравленная река, грязь, загубленная красота. ИС „Нярис“ вызвало у литовских информантов такие реакции: грязная, грязная грустная река, противно и грязно, очень загрязненная река, задыхающаяся, нельзя купаться, трупы; у русских – грязь, вонь, что-то вонючее, очень грязная, труп. Оценочность выражается обеими группами информантов не столько чистыми оценочными предикатами,

сколько словами, коннотирующими отрицательную оценочность (грязь, трупы). Объекты, находящиеся на территории бывшего СССР, чаще оцениваются отрицательно литовцами, чем русскими (например, реакции литовских испытуемых на „Байкал“: „грязь“, „холод“, „когда-то чистое“, „отравленное холодное и грустное место“, „большое болото“, – а также на топоним „Черное море“: „очень злое солнце“, „черное болото“, „не хотел бы там жить“). У русских информантов топонимы „Байкал“ (красивое, гордость Сибири, чистота), „Черное море“ (романтика, радость, легкость), „Кавказ“ (красота, мечта, тепло) отмечены в основном положительной оценочностью.

Подобная различная оценка топонимов, имеющих один и тот же денотат, позволяет сделать некоторые обобщения относительно комплексов ценностей у литовских и русских информантов. Видимо, причиной различий в ценностных установках информантов является ощущение русскими бывшего СССР, России как большой родины, а у литовцев – контрастным подходом к явлению „своим“ и „не своим“. Наше наблюдение перекликается с мыслью Ю. Н. Караулова, что „инонациональный наблюдатель, носитель других культурных традиций всегда склонен смотреть на чужую культуру, язык, национальные особенности с позиций превосходства, и поэтому одну и ту же черту психического склада, свойственную и своему и чужому этносу, он может расценивать по-разному“ [Караулов, 1987, 41].

Таким образом, анализ показал, что значение топонимов не определяется только соотношением с денотатом, – они, имея сложную структуру, обладают эмоционально-оценочной информацией, т. е. коннотациями. В ассоциациях, связанных с топонимами, отражается не только географическая информация, но и сведения психологического плана: эмоциональные, аффективные, идеологические моменты, жизненные или ситуативные ценностные установки языковой личности. Проведенный эксперимент показал, что топонимы, актуальные в осознании языковой личности, обладают ассоциативным фоном, прочно входят в тезаурус и прагматикон личности, давая как тематические, образные, так и эмоционально-оценочные ассоциации.

APIE SEMANTINĘ TIKRINIŲ DAIKTAVARDŽIŲ STRUKTŪRĄ

Ž. Birillo

Reziumė

Straipsnio „Apie semantinę tikrinių daiktavardžių struktūrą“ autorė pažymi, kiek svarbu yra tirti nacionalinį kultūrinį tikrinių daiktavardžių semantikos komponentą. Nustatant su toponimais susijusias asociacijas, naudotasi medžiaga, gauta iš rusų ir lietuvių informantų atliekant asociatyvų eksperimentą.

Lyginant gautus duomenis, autorius prieina išvadą, kad toponimų reikšmę lemia ne tik toponimo ir denotato sąryšis, bet ir emocinė vertinimo informacija, t. y. konotacijos.

ON SEMANTIC STRUCTURE OF PROPER NOUNS

J. Birillo

Summary

The article deals with semantic problems of proper nouns. It tells about defining of the semantic structure of proper nouns through the informants associations. The author presents the results obtained through comparative analysis of the associations. The accent is laid on the regional qualities of the information, data, emotions, evaluations corresponding the given toponyms in both Lithuanian and Russian informants.

ЛИТЕРАТУРА

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд. Москва: Рус. яз., 1990.

Залевская А. А. Слово в лексиконе человека. Психолингвистические исследования. Воронеж, изд-во Воронежского ун-та, 1990.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Москва: Наука, 1987.

Караулов Ю. Н. Текстовые преобразования в ассоциативном эксперименте // Язык: Система и функционирование. Москва: Наука, 1988. 108–117.

Суперанская А. В. Языковые и внеязыковые ассоциации / Антропоникиа. Москва: Наука: 1970.